

Последние дни Помпей

Эдуард Джордж
Буллвер-Литтон

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ПОМПЕЙ

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(0)

*Перевод с английского
В. Хинкиса под ред. С. Маршака*

Булвер-Литтон, Э. Дж.

Последние дни Помпей: Роман / Э. Дж. Булвер-Литтон;
[пер. с англ. В. Хинкис и Г. Кружков]. – М. : Т8 RUGRAM /
Агентство ФТМ, 2020. – 444 с.

ISBN 978-5-521-74326-1

Героев своего романа английский писатель Эдуард Джордж Булвер-Литтон увидел на картине Карла Брюллова «Последний день Помпеи». Прекраснейший древнеримский город Помпеи, созданный по образу и подобию великого Рима — воплощения цивилизации того времени, был полностью разрушен разбушевавшейся стихией во время извержения Везувия в 79 году до н. э. Стихия полностью поглотила город, забрав жизни одних людей и пощадив других. В эпицентре трагических событий оказывается одна влюбленная пара, которая смогла спастись и рассказать миру обо всём, что произошло в Помпеях.

*Все права защищены. Никакая часть данной
книги не может быть воспроизведена в какой бы
то ни было форме без письменного разрешения
правообладателя.*

УДК 82/821
ББК 84(0)
BIC FA
BISAC FIC000000

© Т8 RUGRAM, 2020
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020
© Перевод, В. А. Хинкис, наследники, 2020
© Перевод стихов, Г. М. Кружков, 2020

ISBN 978-5-521-74326-1

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава I

Два благородных помпеянина

— А, Диомед! Какая встреча! Ты будешь сегодня вечером на пиру у Главка? — сказал невысокий молодой человек в тунике, надетой с небрежным изяществом, на женский манер, как носили благородные прожигатели жизни.

— Увы, дорогой Клодий, он меня не пригласил, — ответил Диомед, полный и уже немолодой мужчина. — Клянусь Поллуксом, это обидно! Говорят, он задает лучшие пиры в Помпеях.

— Да, у него славно, только, по мне, вина всегда мало. Какой же он эллин, если жалуется, что наутро у него с похмелья болит голова!

— Боюсь, что у него есть другая причина экономить, — сказал Диомед, поднимая брови. — При всем своем тщеславии и расточительности он, мне кажется, вовсе не так богат, как хочет казаться, и скорее бережет амфоры с вином, чем голову.

— Тем более надо пользоваться его щедростью, пока у него есть сестерции¹. А в будущем году, Диомед, найдется новый Главк.

— Говорят, он не прочь и в кости сыграть.

— Он не прочь доставить себе любое удовольствие, и, пока ему доставляет удовольствие давать пиры, мы его любим.

— Ха-ха-ха! Хорошо сказано, Клодий! Кстати, видел ты мои винные погреба?

— Как будто нет, друг мой Диомед.

— Непременно приходи как-нибудь ужинать. У меня в садке недурные мурены, и я познакомлю тебя с эдилом Пансой.

— Только, пожалуйста, без церемоний. «Персов роскошь мне ненавистна»², я человек скромный. Но уже поздно, я иду в термы. А ты куда?

— К квестору³ по общественным делам, а потом в храм Исиды. Прощай!

— Хвастун, бездельник, невежа! — пробормотал Клодий, ленивой походкой двигаясь дальше. — Думает, его пиры и винные погреба заставят нас забыть, что он сын вольноотпущенника! Ладно, мы так и сделаем, окажем ему честь, выигрывая у него деньги. Эта разбогатевшая

¹ *Сестёрций* – римская серебряная монета.

² Строка из стихотворения знаменитого римского поэта Квинта Горация Флакка (вторая половина I века до н. э.). Персидская (и вообще восточная) роскошь вошла в поговорку и противопоставлялась древнеримской суровости и простоте нравов.

³ *Квэстор* – младшая из высших выборных должностей в городе. Квесторы ведали городской казной.

чернь — золотое дно для нас, веселой знать!

С этими словами Клодий вышел на Домицианову улицу, запруженную колесницами и полную веселого, шумного оживления, какое в наши дни можно увидеть на улицах Неаполя.

Колокольчики быстро обгонявших друг друга экипажей весело и мелодично звенели, и Клодий то и дело кивал или улыбался знакомым, ехавшим в красивых, роскошных экипажах; ни один бездельник не был так известен в Помпеях, как он.

— А, Клодий! Как тебе спалось после вчерашнего выигрыша? — окликнул его звонким, приятным голосом молодой человек с самой красивой и элегантной колесницы.

Она была украшена бронзовыми рельефами в греческом духе — сценами Олимпийских игр; везли ее кони редчайших парфянских кровей; их стройные ноги, едва касаясь земли, словно неслись по воздуху, но одно прикосновение колесничего, который стоял позади молодого хозяина, и кони остановились как вкопанные, будто внезапно обратились в камень — живые изваяния, подобные одному из животрепещущих чудес Праксителя.

Хозяин их был строен, красив и имел то правильное телосложение, которое некогда служило образцом для афинских скульпторов; светлые, спадающие густыми прядями волосы и совершенная гармония черт выдавали его греческое происхождение.

Он не носил тоги, которая во времена императора перестала быть национальной римской одеждой и вызывала насмешки модников, а его туника была из лучшего тирского пурпура, и застежка, которая скрепляла ее на плече, сверкала изумрудами; на шее у него была золотая цепь, окончившаяся на груди головой змеи; из пасти змеи свисало большое кольцо с печатью тончайшей работы; широкие рукава туники были оторочены златотканой материей; пояс из той же материи с вытканными на нем причудливыми узорами заменял карманы, и за него были заткнуты носовой платок, кошелек, стиль и навощенные таблички.

— А, мой милый Главк! — приветствовал его Клодий. — Рад видеть, что проигрыш так мало тебя опечалил. Право, кажется, будто тебя одушевляет сам Аполлон: лицо твое так и светится счастьем. Можно подумать, что ты выиграл, а не проиграл.

— Не все ли равно — выиграть или проиграть эти презренные металлические кружки! Разве должно это влиять на наше настроение, любезный Клодий? Клянусь Венерой, пока мы молоды и можем увенчать себя цветами, пока кифара ласкает нам слух и волнует нашу кровь, которая так быстро бежит по жилам, до тех пор будем мы наслаждаться солнечным теплом и светом и заставим само седое время быть лишь казначеем наших радостей. Не забудь же — сегодня вечером ты мой гость.

— Возможно ли забыть приглашение Главка!

— А куда ты теперь?

— Собираюсь зайти в термы, но еще целый час до открытия.

— Я отпущу колесницу и пройду с тобой. Ну, ну, Филий! — И он погладил одного из коней, который прижал уши и тихо заржал, отвечая на ласку. — Сегодня ты можешь отдохнуть. Не правда ли, он красив, Клодий?

— Достоин Аполлона или Главка, — отвечал благородный прихлебатель.

Глава II

Слепая цветочница и модная красавица.

Признание афинянина. Читатель
знакомится с египтянином Арбаком

Болтая о всякой всячине, молодые люди неторопливо шли по улицам. Они очутились теперь в квартале самых роскошных лавок, сверкавших внутри яркими, но гармоничными фресками, которые поражали своим разнообразием и прихотливостью. Повсеместно, искрясь в солнечных лучах, били фонтаны, смягчая летний зной; всюду виднелись прохожие, или, вернее, празднующиеся, почти все одетые в тирский пурпур; оживленные толпы собирались вокруг самых богатых лавок; сновали рабы, неся на головах бронзовые ведра самой изящной формы; у стен длинными рядами стояли молодые крестьянки с корзинами спелых плодов и цветов, пленявших древних итальянцев больше, нежели их потомков (для ко-

торых поистине *latet anguis in herba*¹, отравы таится в каждой фиалке и розе); часто попадались таверны, заменявшие праздным людям современные кафе и клубы. На мраморных полках рядами стояли сосуды с вином и маслом, а возле них были лежа, защищенные от солнца тентами из пурпура и манившие усталого отдохнуть, а ленивого предаться безделью. Весь этот блеск и волнующее оживление оправдывали афинское пристрастие Главка к земным радостям.

— Не говори мне о Риме! — сказал он Клодию. — Наслаждения за его несокрушимыми стенами утомляют своей пышностью и великолепием; даже при императорском дворе, даже в Золотом доме Нерона² и в блеске нового дворца Тита великолепие кажется скучным — глаз устает, душа изнывает; и, кроме того, любезный Клодий, видя чужую пышность и богатство, тяжело вспоминать оскудение своего отечества. Здесь же мы беззаботно предаемся наслаждению и пользуемся всеми преимуществами роскоши без утомительной пышности.

¹ *В траве прячется змея (лат.)* — слова, принадлежащие одному из крупнейших поэтов Рима — Публию Вергилию Марону (вторая половина первого века до н. э.). Они сделались пословицей, предупреждающей о скрытой опасности, но здесь шутливо употреблены в прямом значении, чтобы посмеяться над равнодушием современных итальянцев к аромату цветов.

² *Золотым домом* называлась гигантская императорская резиденция, которую задумал воздвигнуть Нерон, правивший Римом в 54–58 годах н. э. Замысел этот остался незавершенным.